

андрей
КОЛЕСНИКОВ

Я ДОЛЖЕН БЫЛ забрать Ваню из бассейна. Сначала я должен был забрать его из школы, но я опоздал. Я понимал: если Ваня просит, чтобы я приехал, надо ехать, и как можно скорее.

Он — не Маша, которая звонит раза три в неделю с одним и тем же заманчивым предложением:

— Что-то у меня голова разболелась, забери меня не в шесть часов вечера, а в пять, и мы с тобой дома побегаем.

От этого предложения отказаться непросто, но можно. Против ее технологий работают мои технологии.

— Маша,— говорю я,— а ты к доктору скорее иди, если голова болит. Голова — это очень серьезно.

— Папа,— отвечает она,— доктор ушел уже, я думаю.

— Да нет, Маша, я знаю, что доктор до шести вечера. И ты знаешь, и все знают уже. Так что иди, Маша, к доктору. Ведь у тебя болит голова. И позвони мне потом.

Чаще всего она к доктору не идет, а голова у нее проходит. Но иногда желание пораньше вернуться домой побуждает здравый смысл, и она и в самом деле идет к школьному доктору.

На что она надеется в таких случаях? На то же, на что и я, когда не хотел вообще идти в школу. Но я же помню, как мама в волнении вызывала доктора, а я лежал, бледный и совершенно здоровый, под одеялом и с ужасом думал, как он сейчас придет. И ужас мой был таким сильным, и сердце начинало так колотиться, а во рту становилось так сухо от страха разоблачения, что когда доктор проверял градусник, то оказывалось 38,2°C.

Вот на что-то такое же, видимо, надеялась и Маша, если все-таки шла к доктору. Ее и Ваню, конечно, жалко, они в школе с утра до позднего вечера с этими дополнительными занятиями, но помочь им я, увы, ничем не могу: так устроена жизнь — и их, и моя.

Маша приходит от доктора и звонит мне, обрадованная. Счастливая, можно сказать.

— Папа! — кричит она.— Папа! У меня давление пониженное! Забирай меня скорее!

— Если давление пониженное, надо погулять,— говорю я.

Или коняку выпить немного, думаю.

Маша дожидается, конечно, пока няня ее заберет в шесть вечера после прогулки. И все спокойны, и прежде всего Маша, потому что она сделала все, что могла, просто не получилось.

Но если Ваня просит забрать его пораньше, надо ехать и забирать. И я еду.

Но в школе его нет.

— Он вас очень ждал,— объясняет учительница.— Он делал вид, что гуляет, а на самом деле все время к воротам на самокате подъезжал. Вон, видите, самокат лежит? Кстати, а вы знаете, что он уже на велосипеде умеет ездить? Мы ахнули! И посмотрите его первые прописи! Ваш ребенок пишет прописи!

Меня бесит этот разговор. Не могу же я рассказать, что это я, я учил его ездить на двухколесном велосипеде все выходные и что против часовой стрелки на хоккейной площадке он поехал почти сразу, а по часовой —

Помочь им я, увы, (НИЧЕМ НЕ МОГУ: ТАК УСТРОЕНА ЖИЗНЬ — И ИХ, И МОЯ)

ну никак не получалось часа два, но потом ведь поехал! И что злился на меня, когда падал, кричал: «Ты специально меня на телефон снимаешь, когда я падаю!»

А учительница говорила со мной так доброжелательно, с таким участием, как будто слишком хорошо знала, что ребенка я не вижу неделями и месяцами, и соболезновала мне, и старалась помочь, и все заранее понимала, потому что такая у нее работа...

— А где же Ваня? — спросил я.

— Няня уже увезла его в бассейн,— сказала учительница.

И я поехал в бассейн. Там в большом холле, набитом нянями и бабушками, я нашел и нашу няню вместе с Машей.

— Где Ваня? — спросил я.— Он просил забрать его сегодня пораньше. Что-то, может быть, случилось?

— Он бы нам сказал,— задумчиво произнесла няня.

— Ни за что,— сказала Маша.— Ничего никогда не говорит. Только папе.

Я с благодарностью посмотрел на Машу. Она пожала плечами: что есть, то есть.

— Он должен был бы уже закончить и одеться давно,— с долгожданной тревогой в голосе сказала няня.— Наверное, одевается. Но нас в мужскую раздевалку не пускают.

Я поднялся в мужскую раздевалку. Она была полна, как и следовало ожидать, мужчин. Тонких и толстых. Голых и полуголых. Всяких. На любой, так сказать, вкус.

В конце одного ряда я разглядел Ваню. Мальчик стоя пытался натянуть

на мокрые ноги колготки. На лице его было страдание, потому что он, видимо, очень боялся упасть.

Я побежал к нему, когда он уже натянул их. Теперь он стоял в колготках на мокром полу. Он плавал с инструктором, девушкой, которая потом подвела его к раздевалке; из раздевалки его встречала няня; в буферной зоне он оставался один на один с этими сутящимися, лихорадочно натягивающими и стягивающими с себя одежду, натирающими себя махровыми полотенцами голыми и полуголыми мужиками.

— Папа,— сказал Ваня.— Ты можешь принести мне ботинки? Они на входе. Сюда в ботинках не пускают. И ноги все время мокут.

— Ты кому-нибудь говорил об этом?

— Нет.

— А зачем ты меня просил забрать тебя пораньше? Я приехал, а тебя уже нет.

— Прости меня,— сказал он.— Я не дождался. Я просил еще подождать, но меня забрали.

— А почему ты хотел, чтобы я забрал тебя? — еще раз спросил я.

— Потому что я ненавижу эту раздевалку! — тихо сказал Ваня.— Я ее ненавижу! Мне тут плохо. Они все очень страшные... И их очень много.

— А плавать любишь? — спросил я.

— Очень,— вздохнул он.

Теперь у него инструктор — мужчина.